

Лесохозяйственная политика на Псковщине в 1920-е гг.

Лесная политика есть необходимая составляющая государственности любой страны, поскольку каждая из них является если не производителем, то, обязательно, потребителем лесных ресурсов.

Цели и задачи лесохозяйственной политики

Цели развития лесного хозяйства неизменны: охранять, защищать, эффективно пользоваться лесами и воспроизводить их. Лесная политика Советской России в начале 1920-х гг. была направлена на ликвидацию последствий Гражданской войны и обеспечение устойчивого развития лесного сектора. На практике это означало: восстановление и сохранение биологического разнообразия лесонасаждений, учет интересов местного населения в лесопользовании, противодействие незаконным лесозаготовкам, полная утилизация отходов лесопиления и деревопереработки, улучшение кадрового состава лесных рабочих, организация системы лесоучетных работ (инвентаризация, картирование, лесная статистика, планирование), защита и охрана лесов от пожаров.

Для восстановления разрушенного хозяйства требовались лесоматериалы и денежные средства, в т.ч. валюта. Это привело к увеличению объемов государственных лесозаготовок и увеличению экспорта леса, советское правительство разрешило иностранцам лесные концессии. При этом лесное хозяйство не стало исключением в процессе политизирования экономики. Считалось, что лес, как объект природы, должен служить делу построения социализма, а чтобы он смог выполнить свое назначение, необходимо организовать советское лесное хозяйство. Всякое отступление от такой политики или желание сохранить старые формы лесного хозяйства признавались буржуазными и реакционными. Поиск оптимальных форм управления продолжался не столько в

отношении рубки и возобновления, сколько в распределении полномочий между министерствами и ведомствами.

Развитие лесного законодательства и его реализация на Псковщине

По "Декрету о земле" 1917 г. леса, имеющие общегосударственное значение, переходили в исключительное пользование государства (национализировались), а все мелкие - в пользование общин, при условии заведования ими местными органами самоуправления (муниципализировались). В ноябре 1917 - феврале 1918 гг. были конфискованы помещичьи, удельные, кабинетные, монастырские лесные владения. 27 мая 1918 г. ВЦИК утвердил "Основной закон о лесах", по которому леса, принадлежащие частным лицам и обществам, становились общенародным достоянием. Наряду с эксплуатационными лесами закон предусматривал выделение "защитных лесов", использование которых ограничивалось. Декларирование принципа социализации совпало с ослаблением или полной ликвидацией лесной охраны. Каждый гражданин получил право входить в лес, заготавливать топливо и поделочную древесину, участвовать в побочных пользованиях (например, собирание грибов и ягод). При этом он был обязан бережно относиться к лесным богатствам, охранять доступными средствами лес от пожаров и потрав.¹ Население охотно воспользовалось новыми правами, но "забывало" о своих обязанностях по отношению к лесу как общенародному достоянию. Поэтому 27 июня 1920 г. постановлением Совета труда и обороны "О борьбе с лесными пожарами" обязанность охранять лес была возложена на государственные лесохозяйственные и лесозаготовительные органы.

Первыми советскими органами управления лесами стал Центральный лесной отдел, впоследствии - Центральное управление лесами (ЦУЛ) в составе Народного Комиссариата земледелия, на местах работали губернские лесные комитеты (Гублескомы).

Старшова Ирина Геннадьевна – кандидат исторических наук

Постановление Совета труда и обороны "О борьбе с засухой" (1921 г.) предписывало Наркомату земледелия немедленно начать лесоводственные мероприятия (разведение леса на песках, создание лесных снегоборных полос, охрана и защита лесов и т.д.), ставилась задача выделения водоохраных лесов. В том же году был издан декрет "Об охране памятников природы, садов и парков". Заповедниками и национальными парками объявлялись участки природы, "замечательные своими природными особенностями" и представляющие собой научную и культурно-историческую ценность. В 1922 г. были утверждены "Правила производства охоты, ее сроки и способы", образован Всероссийский производственный союз охотников, учреждено Центральное управление по делам охоты (Центрохота) Наркомзема и его местные органы (Губохоты).

7 июля 1923 г. вторая сессия ВЦИК X созыва утвердила **Лесной кодекс РСФСР**. В нем было закреплено понятие государственного лесного фонда, объединяющего леса общегосударственного и местного значения. Первые по роду пользования подразделялись на леса собственно государственные и леса особого значения. К последним относились защитные лесные дачи, предохраняющие от понижения воды и сдерживающие сыпучие пески; леса в зоне лечебных учреждений - курорты; учебно-опытные лесные дачи и памятники природы, заповедные места; леса в городской черте; участки, предоставленные государственным или частным предприятиям и учреждениям, в т.ч. участки, предоставляемые на условиях концессионных договоров.²

В 1925 г. общая площадь лесов по Псковской губернии составила 1363637 га, в том числе особого значения - 4842 га, из них Хиловская дача (201 га) и Холмки (75 га) были переданы Губздравотделу для организации санаториев, Михайловская дача (216 га) - Главмузею, дача Сторожевая Гора (244 га) - в управление Порховского горисполкома.³ По архивным источникам не удалось выявить наличия на Псковщине лесных концессий.

Леса местного значения (лесные участки, расположенные вне крупных лесных массивов, в т.ч. бывшие крестьянские и переселенческие лесные наделы) закреплялись в бессроч-

ное пользование за сельскохозяйственными артелями и земельными обществами. Лесопользователи были обязаны соблюдать планы лесного хозяйства, охранять леса от пожаров, самовольных порубок, неправильного выпаса скота. Леса местного значения находились в бесплатном пользовании населения, т.е. использовались для заготовки дров, сенокосения, выпаса скота, сбора мха, подстилки и т.д.

Гублеском совместно с Губземуправлением разработал инструкции землемерам по отграничению государственного фонда, о порядке ликвидации вкрапленных земель сельскохозяйственного использования в государственный фонд.

К 1925 г. в Псковской губернии были закончены работы по определению границ лесов местного значения. К работе по размежеванию фондов бесплатно привлекались учащиеся Псковского землеустроительного техникума и ленинградских лесных техникумов. Общая площадь лесов местного значения на территории губернии составляла около 275 дес. Предполагалось, что с этого участка население сможет бесплатно получать до 17000 куб. саженой древесины в год. По статистическим данным в губернии насчитывалось около 119 тыс. крестьянских дворов, в среднем на один двор приходилось 0,5 куб. саж. древесины (т.е. около 4,85 куб.м).⁴ Процесс разграничения лесного фонда совпал с переходом на метрическую систему. Лесные рабочие начали учитывать площадь леса в гектарах, семена и шишки - в килограммах, размеры вырубки - в кубометрах (1 куб. сажень равнялась 9, 713 куб. м).

После разграничения фондов начались лесоустроительные работы: устанавливались угловые столбы, вырубались межевые просеки, отводились лесосеки. Это были первые после революционные лесоустроительные работы. На Псковщине они начались весной 1925 г.

Разграничению лесного фонда на местах предшествовали крестьянские сходы, организуемые волостными исполкомами. В годы Гражданской войны происходило самовольное объединение лесных дач. На одни и те же участки претендовали несколько лесопользователей. При решении спорных вопросов органы управления лесного хозяйства использовали старую документацию, составленную начиная с 1800 г., хотя старые планы не везде сохранились. Вскоре лесни-

чие начали прием жалоб от населения на неправильное распределение лесопользователей.

Наведение порядка в лесном хозяйстве было с воодушевлением встречено псковскими лесоводами. Об этом они неоднократно говорили на губернских съездах лесоводов. Лесоводы с горечью вспоминали период Гражданской войны, когда в прифронтовой зоне леса вырубались без учета норм и состояния лесных дач: "В это время в наши леса налетели как саранча, под видом государственных заготовителей - представители от Гублескомов, Железкомов, Транслесов и других организаций... Они прикрывались трехаршинными мандатами, дающими им широкие полномочия, рубили леса без отвода. Заведующие лесничествами по мере возможности боролись с хищениями леса, за что некоторых из них арестовывали. У них опускались руки предпринимать что-либо в дальнейшем для спасения леса, так как они не чувствовали за собой надежной защиты".

Однако вскоре лесоводы были поставлены в затруднительное положение. Не получив новых лесоустроительных инструкций, они продолжали работать по-старому, т.е. опираясь на дореволюционную инструкцию 1914 г. Такой подход был признан неверным. До сведения лесоводов в 1926 г. была доведена новая "Инструкция для устройства, ревизии и лесоэкономического обследования общегосударственных лесов РСФСР". Но и она была затем раскритикована. Для её разработки привлекались старые кадры ученых и специалистов-практиков. Понятие "лесоустройство" использовалось в дореволюционный период для обозначения совокупности мер, позволяющих извлечь максимальную прибыль с частновладельческой собственности - "лесной дачи". Главный разработчик инструкции 1926 г., профессор М. М. Орлов был обвинен в "попытке полностью перенести в советское хозяйство систему буржуазного лесоустройства".⁵ Лесоустройство стало трактоваться не только как совокупность государственных мер по рациональному использованию и повышению продуктивности лесного хозяйства, но и как работа по повышению культуры ведения лесного хозяйства, охране лесов. Советское лесоустройство противопоставлялось дореволюционному как хищническому использованию природных ресурсов.

Изучение на основе архивных документов практики работы лесничих до- и послереволюционного периодов показывает, что методы лесоустроительных работ оставались неизменными, "изменения" были связаны с идеологическим обоснованием методов.

29 апреля 1925 г. Наркомат земледелия издал "Положение о лесах местного значения". Он поставил задачу наладить управление, охрану и эксплуатацию лесов местного значения за счет средств губернских бюджетов. К 1926 г. требовалось организовать работу лесоводов в каждом уезде, в 1927-28 гг. - в каждой волости. На сельсоветы возлагалась обязанность вести книги учета лесопользования. Объясняя причины издания данного документа, Наркомат отмечал, что население жалуется на халатное отношение местных исполнительных органов к лесным богатствам. Ужесточались меры наказания за самовольные вырубки леса, вплоть до передачи лесных площадей другим пользователям.⁶ Сельсоветы получили отпускные и порубочные клейма, что позволило различать законно полученный и самовольно порубленный лес. Сельсоветы отпускали древесину населению с учетом технического состояния лесов местного значения. На Псковщине на один крестьянский двор отпускалось, в среднем, 2,3 куб.м древесины.

Передача управления лесами местного значения на местный бюджет привела практически повсеместно к упразднению аппарата по охране лесов. Охрана была возложена на лесопользователей и должна была осуществляться под контролем сельсоветов. Крестьяне редко нанимали лесную стражу, как правило, охраняли лес в порядке очередности. Увеличилось число пожаров, незаконных вырубок. Тогда Псковский исполком обязал лесопользователей содержать лесную стражу за свой счет, если размер лесного участка превышал 30 га.⁷ В целом же активность населения в деле охраны и защиты леса была низкой. Когда в Пскове в 1925 г. при Гублескоме началось создание ячейки Всероссийского общества охраны природы (ВООП), то она оказалась малочисленной. Активистами данной общественной организации становились чаще всего люди, для которых природоохранные работы были служебной обязанностью.

В конце 1920-х гг. обязанности по лесоустройству, лесовосстановлению и охране леса

были возложены на лесозаготовительные организации. Таким образом, в 1920-е гг. сложилась совокупность специализированных нормативных актов, где четко закреплялись правила общего пользования лесами государственного и местного значения.

Организация государственных лесозаготовок

В рассматриваемый период масштабы государственных лесозаготовок непрерывно увеличивались, в то же время занятость населения на лесозаготовках заметно сократилась. В условиях начала НЭПа трудовая повинность была заменена трудовым налогом. Осенью 1921 г. крестьяне получили задание по трудовой повинности, а с 1 января 1922 г. оно было пересчитано исходя из новых ставок трудового налога. В результате, на оставшуюся часть лесозаготовительного сезона (январь-март 1921 г.) налог составил 3 трудодня на одного трудоспособного гражданина, что было в 5 раз меньше нормы трудовой повинности. Кроме того, постановлением СТО от 2 декабря 1921 г. норма выработки на один трудодень стала определяться по нормам мирного времени, т.е. сократилась. Она составила 1/4 куб. сажени заготовки или 1/8 куба десятиверстной перевозки в день.

В период "военного коммунизма" органы исполнительной власти использовали средства принуждения для борьбы с трудовым дезертирством. Руководители организаций, связанных с заготовкой леса, неоднократно поднимали вопрос о необходимости привлечения вооруженной силы для обеспечения выполнения гражданами трудовой повинности. "Моральное воздействие не дало должных результатов... необходимо силою принудить население прийти на помощь Республики".⁸ В 1921 г. полномочия по борьбе с трудовым дезертирством были переданы военному ведомству, на каждый уезд планировалось выделить 30 красноармейцев для борьбы с "несознательными гражданами", уклоняющимися от трудовой повинности.⁹ Но уже в январе 1922 г. комиссии по борьбе с трудовым дезертирством были ликвидированы, наказание граждан за уклонение от выполнения трудового налога определялось теперь в судебном порядке.

Лесозаготовительные организации должны были перейти к сдельной оплате труда кре-

стьян, но они не имели для этого достаточного количества денежных средств. Чаще всего крестьяне получали за свою работу керосин и соль в лавках заготовительных контор. Для найма рабочей силы заготконторы шли на продажу части лесоматериалов, взимание крупных задатков от организаций - потребителей дров, заготконторы не предоставляли лесорубочного инвентаря. Население работало со своими инструментами, износ которых никак не компенсировался. Отсутствием материальной заинтересованности объяснялась низкая производительность труда крестьян на лесозаготовках (35-40% от довоенной). Лесозаготовительные органы объявили о покупке лесоматериалов от крестьян, но в силу низкой закупочной цены эта возможность мало их заинтересовала.

Заметно охотнее крестьяне включились в заготовку леса в 1923 г., в условиях неурожая озимого и ярового хлеба. В деревне нужны были наличные деньги на оплату сельскохозяйственного налога. Выплаты за сданные лесоматериалы заготконторы производили медленно, но для многих эта была чуть ли не единственная возможность рассчитаться с государством.¹⁰

В постановлении Экономического совещания РСФСР 1926 г. важнейшими задачами лесохозяйственной политики были названы: постоянное использование лесных ресурсов и извлечение наивысших доходов. Размеры участков, отводимых под вырубку, как и в годы Гражданской войны, определялись исходя из потребностей, а не реальных возможностей восстановления леса после вырубки. В "Инструкции для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР" 1926 г. говорилось: "Величина отпускаемой единицы (делянки) устанавливается в зависимости от местных экономических условий, имея при этом в виду приспособление отпуска леса к требованиям и запросам лесополучателей. При возможности больших запродаж в одни руки крупным лесополучателям делянки отводить большими площадями - целыми лесосеками и даже урочищами". Сопутствующие меры очистки леса и содействия его естественному возобновлению не оговаривались.¹¹

Резкое повышение государственных заданий по заготовке леса относится к 1929 г. Если в начале века Россия экспортировала в сред-

нем 10-12 млн. куб. м леса, то в 1925 г. - 100 млн. куб. м, в 1932 г. - 263 млн. куб. м. Увеличение экспорта леса было связано с необходимостью закупки за границей промышленного оборудования. Возвращение к принудительным методам привлечения сельского населения к лесозаготовкам стало возможным в условиях коллективизации, когда контролирующую функцию взяла на себя Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ). Наркомат земледелия РСФСР, исходя из результатов обследования, проведенного РКИ, реорганизовал аппарат управления лесным хозяйством: было упразднено деление лесных массивов на лесхозы и учхозы, прекратили деятельность лесозаготовительные части. Введение принципа единоначалия повысило ответственность руководителей за выполнение лесозаготовок. С 1929 г. СНК разрешил проводить так называемые "концентрированные рубки".

Развитие лесной промышленности.

С началом НЭПа была ликвидирована чрезмерная централизация управления промышленностью, существовавшая во время Гражданской войны. Предприятия получили большую самостоятельность в области заготовки сырья, топлива, реализации готовой продукции, они должны были стать самокупаемыми.

Государство начало сдавать предприятия в аренду кооперативным объединениям и частным лицам, нерентабельные предприятия реорганизовывались. В частности, трест "Псковлес" было решено ликвидировать "по причине бесхозяйственности": так он работал себе в убыток, с января по март 1924 г. не выплачивалась заработная плата рабочим. Кризисная ситуация в работе треста привела даже к нарушению снабжения армии. Госсводка ОГПУ сообщала о недостатке дров в воинских частях, холоде в казармах. Для погашения задолженности все сырье и лесоматериалы треста были проданы с молотка.¹²

На основе производственной базы ликвидированного треста возникло множество заводов. Так, например, только в Торопецком уезде действовало 7 заводов с общим числом рабочих - 583. Большая часть заводов была сдана в аренду, хотя часть предприятий лесной промышленности осталась в ведении государства. Например, в Великолуцком уезде два государственных лесопильных завода обслуживали нужды Московско-Белорусско-Балтийской железной дороги.¹³

В первые годы НЭПа успешно работал Псковский лесозавод им. Урицкого. Работая в две смены, он обеспечивал потребности местного рынка (обрабатывая старые лесоматериалы) и поставлял продукцию на экспорт. Но вскоре старые запасы закончились, а заготовительная контора "Двинолес" сорвала поставки качественного экспортного лесоматериала. В апреле 1925 г. завод приостановил работу, 75% рабочих было уволено.

Неудачная деятельность ряда лесопильных заводов была связана, прежде всего, со срывом поставок лесоматериалов, который, в свою очередь, обуславливался лесозаготовительным кризисом. В Пскове работала Чрезвычайная комиссия по снабжению сырьем лесопильных заводов, руководитель которой Тобиас доказывал другим членам комиссии: "Аресты виновных не помогут делу". Комиссия решила, что нужно снабжать сырьем в первую очередь заводы, имеющие две и более рамы (лесопильных механизма), т.к. однорамные заводы в случае поломки оборудования могли полностью остановиться. Вторым критерием при распределении лесоматериалов была близость завода к местам лесозаготовок. Контролеры, направленные ЧК в уезды, получили широкие полномочия и несли личную ответственность за своевременное выполнение поставок. Познакомившись с ситуацией на местах, они пришли к выводу, что аресты "троек" (уездных чрезвычайных комиссий по снабжению топливом) являются бесполезной мерой: "...таковые товарищи работали по 24 часа в сутки для принятия всех мер к вывозке и заготовки леса, ...арест таковых не даст ни одного лишнего куба".¹⁴ С увеличением государственных лесозаготовок частные заготконторы всё больше испытывали нехватку рабочей силы.

В условиях НЭПа лесоматериалы стали поступать в свободную продажу. В губернии для продажи леса с соревнований (торгов) была организована Губернская Лесная Торговая Комиссия (ГЛТК), в состав которой входили представители Гублесотдела, Губфинотдела, Губплана, профсоюзов. Объемы продаж продукции лесопильных заводов непрерывно росли. С 1924 г. проводились торги и аукционы по продаже леса на корню. Информация о предстоящих торгах публиковалась в газетах "Ленинградская правда", "Псковский набат". В 1925 г. на

губернских торгах участвовали следующие организации: Фанеротрест, Центробумтрест, Октябрьская железная дорога, Катушно-Челночный трест, Северо-Западное государственное региональное пароходство. В результате было продано 88% от выставленных на продажу лесоматериалов. О росте спроса на древесину свидетельствовал тот факт, что в ходе торгов цена выросла, в среднем, на 53%. Оставшаяся древесина, не проданная на губернских торгах, выставлялась на уездные соревнования. Увеличение спроса на лесоматериалы на местном рынке привело к тому, что покупатели охотно покупали лес даже тогда, когда в ходе торгов его стоимость увеличивалась в два раза. Древесина, снятая с торгов из-за низкого качества, в течение года продавалась в лесничествах.¹⁵

В 1929 г. на территории Ленинградской области действовали 60 лесопильных заводов, 21 бумажная и картонная фабрика, 4 спичечные фабрики, 2 стружечных завода.¹⁶ На Северо-Западе лесохимическая промышленность не получила широкого развития в силу отсутствия в большом количестве необходимого сырья - живицы - смолистого вещества, собираемого с хвойных растений. Россия традиционно экспортировала смолу, деготь, но за годы Первой мировой войны объемы производства лесохимической промышленности сократились в 8 раз, поэтому возникла даже необходимость в импорте некоторых видов лесохимической продукции. С 1926 г., с целью развития канифольно-скипидарного производства, возобновилась добыча живицы. Задания по ее заготовке получили и псковские лесхозы. Уже в первую пятилетку развитие лесохимической промышленности позволило прекратить импорт канифоли.

За годы НЭПа широкое развитие получило мелкое кустарное производство. В структуре Псковского губернского лесного комитета действовал кустарный подотдел, по сведениям которого, на Псковщине трудились лапотники, метельщики, санники, тележники, колес-

ники, оглобельщики, дужники, бондари, лоханочники, чашечники, ложечники, грабельщики, прялочники, корзинщики. Для кустарей в каждом лесхозе были выделены специальные делянки, месячные нормы выработки были заменены налогом. Так, например, раньше прялочник должен был в течение месяца изготовить для государства три прялки немецкого образца, корзинщик - 50 корзин из лучины, лоханочник - 5 прачечных лоханок, теперь же они продавали свои изделия на рынке и платили налоги.¹⁷

С началом индустриализации лесное хозяйство страны было реорганизовано. 19 декабря 1929 г. Экономическое совещание РСФСР утвердило положение о леспромхозах. Леспромхозы - советские лесопромышленные хозяйства - должны были осуществлять на определенной территории все производственные процессы по эксплуатации и возобновлению леса, охранять и отпускать его самостоятельным заготовителям и местному населению. Леспромхоз создавался, как правило, в пределах границ одного административного района.

Таким образом, в двадцатые годы оформилась советская правовая база лесохозяйственной деятельности. Государство вынуждено было приносить лесной сектор экономики в жертву текущим интересам. Неудачный опыт периода НЭПа по привлечению местного населения к лесозаготовкам при отсутствии достаточного материального стимулирования заставил в конце 1920-х гг. вернуться к методам принуждения. Рост государственных лесозаготовок повлиял на снижение темпов развития частных предприятий лесной промышленности, с окончанием НЭПа произошел отказ от метода торгов, как противоречащего плановой экономике, хотя взгляд на лес как на неисчерпаемый ресурс оставался неизменным. Лесные вырубки стали распределяться между предприятиями и учреждениями исходя из их потребностей.

Примечания

1. Гусев Р.К. Правовая охрана лесов. - М., 1974, - с.56.
2. Ленский Л. Материалы по истории социалистического законодательства (1917-1945 гг.). - М., 1947. - с.163.
3. ГАПО. Ф. Р-417. Оп.1. Д.67. Л.5.
4. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д. 395. Л.
5. Лесохозяйственный словарь-справочник. - Т.1. - М.-Л., 1948. - с.189.
6. ГАНИПО. Ф. 1. Оп.1. Д.395. Л.150.
7. ГАПО. Ф.417. Оп.1. Д.67. Л.32.
8. ГАПО. Ф. Р-417. Оп.1. Д.66. Л.193.
9. ГАПО. Ф.Р-417. Оп.1. Д.65. Л.13, 19.
10. ГАНИПО. Ф.1. Д.305. Л.164.
11. Инструкция для отпуска леса из общегосударственных лесов РСФСР. - М., 1926.
12. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.346. Л.132, 162.
13. ГАНИПО. Ф.1. Оп.1. Д.19. Л.211.
14. ГАПО. Ф.417. Оп.1. Д.66, 183
15. ГАПО. Ф.Р-417. Оп.1. Д.67. Л.71.
16. Псковский набат. 1929. 16 мая.
17. ГАПО. Ф. Р-417. Оп.1. Д.2. Л.4.